

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-41-51

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*К.М. Магомедов*¹

Введение
Об экстремизме, когнитивной психологии и о разных логиках в мышлении
Инклюзивная логика в исламе и исламоведении
Логика и экстремизм в разных формах и проявлениях
Заключение

Поступила в редакцию: 23.11.2018.
Передана на рецензию: 27.11.2018.
Получена рецензия: 10.01.2019.
Принята в номер: 10.02.2019.

Экстремизм через призму инклюзивного мышления и когнитивной психологии

Дагестанский государственный университет; magomedov49@mail.ru

В статье предлагается анализ явлений культуры и религии по метрике инклюзивной логики и когнитивной психологии, через которые они рассматриваются иначе, чем в классической аристотелевской логике. В ней показано, что нового дает инклюзивная логика для осмысления ислама, почему она позволяет лучше вписать символику ислама в метрику постмодернизма и мультикультурализма. Автор исходит из того, что многие причины проявлений экстремизма в сознании и поведении людей заложены в глубинных структурах мышления, особенно в расширительном толковании его формально-логических канонов; полагает, что утверждение в мышлении принципов инклюзивной логики позволяет обеспечить более комфортное вхождение ислама в общечеловеческую культуру.

Ключевые слова: *религия, ислам, когнитивная психология, формальная логика, диалектическая логика, инклюзивная логика, экстремизм.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-41-51

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

*К.М. Магомедов*²

Introduction.
On extremism, cognitive psychology and various lines of reasoning.
Inclusive logic in Islam and Islamic studies.
Logic and extremism in different forms and manifestations.
Conclusion.

Received: 23.11.2018.
Submitted for review: 27.11.2018.
Review received: 10.01.2019.
Accepted for publication: 10.02.2019.

Extremism through the Prism of Inclusive Thinking and Cognitive Psychology

¹ Магомедов Камилль Магомедович – доцент кафедры онтологии и теории познания, ДГУ, orcid.org/0000-0002-1997-7503.

² *Magomedov Kamil Magomedovich* – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Ontology and the Theory of Knowledge, DSU, orcid.org/0000-0002-1997-7503.

Dagestan State University; magomedov49@mail.ru

The author attempts to assess the phenomena of culture and religion by the metric of inclusive logic and cognitive psychology, through which they are considered differently than in the classical Aristotelian logic. The research shows that the inclusive logic provides a new understanding of Islam and reveals why it allows to better fit the symbolism of Islam into the metric of postmodernism and multiculturalism. The author proceeds from the fact that many reasons for the manifestations of extremism in the consciousness and behavior of people are embedded in the underlying structures of thinking, especially in the expansive interpretation of its formal logical canons. According to the author, the adoption of inclusive logic principles in thinking makes it possible to ensure a more comfortable entry of Islam into universal human culture.

Keywords: *religion, Islam, cognitive psychology, formal logic, dialectical logic, inclusive logic, extremism.*

Введение

На свете не бывает ошибочных мнений.

Бывают мнения, которые не совпадают с нашими.

Харуки Мураками

Задача статьи – показать, что корни различных проявлений экстремизма в сознании и поведении людей заложены не только в экономической, социальной и духовной сферах общества, но и в глубинах человеческой психологии, в структурах человеческого мышления. Следовательно, многие, если не все, формы и проявления поведенческого и практического экстремизма являют собой следствие определенных деформаций в сознании и мышлении, выражение иллюзорных схем отражения мира.

Конечно, автор не придерживается утопических проектов и далек от того, чтобы считать, что действие любого социального явления можно совершенствовать, лишь изменяя индивидуальное и общественное сознание, а также его мыслительные механизмы. Что бы ни говорили, марксистская максима, по которой общественное бытие определяет сознание, справедлива. Но с другой стороны, изменить бытие можно лишь изменяя сознание и мышление. Поэтому автор, выводя в качестве причин проявлений экстремизма мыслительные механизмы, следует известному исследовательскому приему – «обострить» проблему, выделив ее в «чистом» виде, чтобы глубже изучить.

Об экстремизме, когнитивной психологии и о разных логиках в мышлении

В когнитивной психологии есть понятия *матрица мышления* и *аффирмации*. Первое понятие определяется как своеобразная мыслительная и оценочная стратегия, направляемая господствующей в обществе и познании логикой. Эти матрицы мышления напоминают эффективные правила дорожного движения, которые организуют все динамические процессы на дорогах, поскольку направляют всю познавательную и оценочную деятельность человека и общества. Аналогичным образом, аффирмации – это такие понятия и устойчивые схемы мышления, которые непременно реализуются в действительности, в поведении людей. Это своеобразная проекция наших матриц мышления на жизнедеятельность; они руководят нашими действиями, и благодаря им формируются убеждения людей, служащие основой человеческой активности.

Таким образом, давно и справедливо замечено, что во многом логика наших действий и поступков задается господствующей в социуме логикой мышления. Говоря упрощенно – какова логика нашего мышления, такова и направленность мотивации практических действий и поступков.

А) Скажем, если в духовном опыте человека и сообщества господствует сциентистская и естественнонаучная модель мышления, заданная классической *формальной* логикой Аристотеля, с ее законами противоречия и «исключенного третьего», – это одна метрика осознания бытия и мотивации человеческих действий. Согласно этой модели мышления и оценки, не могут быть одинаково истинными два противоречащих суждения о бытии, «А или – А». Посредством такой метрики вектор мышления, оценки и практических действий направляется по дихотомическому пути бинарных оппозиций. В картине мира, сформированной таким бинарным мышлением, все располагается по строгой оппозиционной вертикали: истинно – ложно, хорошо – плохо, прогрессивно – реакционно, прекрасно – безобразно, добро – зло и т. д.

Именно такая модель мышления, чрезвычайно полезная для определенного упорядочения мира, легла в основу познавательного дискурса и культивировалась в течение десятков столетий.

Вместе с тем такая модель мышления послужила основой для формирования различных вариантов монистического видения мира. Этот монизм проявляется во всем, но прежде всего – в дихотомичности нашего мышления, в абсолютизации какой-то одной конструкции мироздания, когда она объявляется определяющей, ведущей и единственно правильной. Монизм, в чем бы он ни проявлялся и ни выражался, означает одномерное видение мира и человека: один бог, одна сущность, одна истина, одна идеология, одна научная парадигма, одна модель образования и воспитания. Он может проявляться где угодно и как угодно: и в религии, и в политике, и в философии, о чем мы говорили в одной из своих статей [7].

Б) Если же в основу наших познавательных, оценочных стратегий кладется не формальная, а *диалектическая* логика, где сущее есть единство противоположностей, «А и –А», то это уже несколько иная модель познания и оценки действительности. Кант своими антиномиями чистого разума показал, насколько ограничена и недостаточна классическая логика для постижения полноты жизни и бытия. Поэтому весь XIX в. и отчасти XX – стали временем утверждения в мышлении диалектической логики, особенно благодаря немецкой классической философии и марксизму.

Однако необходимо заметить, что при всей широте применения категориального аппарата диалектической логики, она также не является универсальной «отмычкой» для постижения всех без исключения процессов. Не всегда сущее можно рассматривать через метрику противоположностей и «отрицания отрицания». Часто бывает потребность выразить его не только как противоречивое единство в многообразии, а проще – как единство в различии, чего добивается постмодернистская методология.

В) Наконец, если в основу мышления и ценностной стратегии кладется *инклюзивная* логика, отражающая ризоматическую природу всей мультикультуры, состоящей из множества равноправных составляющих, то это уже совершенно иная матрица оценки бытия и познания³.

В широком культурологическом аспекте «инклюзивность», означает способность одной культуры включать в метрику своего понимания и признания иные культурные эпифеномены. Поэтому инклюзивная логика, в отличие от классической и диалектической, ориентирована не на противопоставление одних культурных и мыслительных матриц

³ О сущности инклюзивной культуры говорилось в ряде статей: Магомедов К.М. Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры // Диалог культур в глобализирующемся мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / под ред. В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой. – Махачкала: АЛЕФ, 2018. – С. 128–132; Магомедов К.М. Гносеологическая метрика мира и явление инклюзивности в культуре: материалы IX международной научно-практической конференции. «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: духовно-нравственное воспитание молодежи», 9–10 ноября 2017, г. Махачкала. – Махачкала, 2017. – С. 114–119 и др.

другим, а на их объединение и сближение в пространстве общечеловеческих ценностей. Эта логика только начинает утверждаться в мышлении людей, и поэтому актуальная задача исследователей – показать, как она действует в различных процессах и сферах познания. Хотя механизмы инклюзивности в духовных процессах присутствовали всегда, особенно там, где говорилось о толерантности и мультикультурализме, к концептуальной разработке этой логики мышления и поведения научное сообщество еще не приступало.

Схематически, формальная логика построена по метрике «А или –А», диалектическая – «А и –А», а инклюзивная логика мышления означает « $A=A^n$ ».

Приведенный нами достаточно подробный анализ соотношения трех возможных логик, организующих весь мыслительный процесс человека, убеждает нас в следующем: в основе глубинных условий для возникновения всевозможных экстремистских форм проявления в культуре выступает определенный тип мышления, построенный на бинарной оппозиционности классической и диалектической логик. Такая возможность обнаруживается уже в самом этимологическом содержании термина «экстремизм», что в переводе с латинского означает «крайний». Действительно, в основании всех сторон экстремистских технологий всегда лежит определенная метрика раздвоения всего сущего по крайностям, противоположным полюсам, а затем – однозначная ценностная идентификация этого по дихотомическому принципу: да – нет, хорошо – плохо, правильно – неправильно, истинно – ложно, прогрессивно – реакционно, приемлемо – неприемлемо, положительно – отрицательно. Это означает, что у истоков всех проявлений экстремизма находится не только конкретная политическая, культурная, идеологическая, этническая или религиозная доктрина (они появляются позже), а определенная логическая матрица мышления и основанная на ней ценностная установка человека и общества. Речь здесь идет о необходимости перехода в межконфессиональные взаимодействия, да и в культурологическом дискурсе в целом – от эксклюзивной к инклюзивной метрике, что устранил многие глубинные причины, порождающие экстремистские отклонения.

Выражаясь языком когнитивной психологии, это означает постепенный переход от дивергентной модели мышления к конвергентной, под которыми имеются в виду две основные разновекторные стратегии когнитивной идентификации одного и того же факта. При *дивергентном* мышлении коммуниканты приходят к различным и даже противоположным выводам, отталкиваясь от данного факта. При *конвергентном* – все усилия партнеров общения направлены на формирование если не единых, то корректно и непротиворечиво совпадающих выводов по интерпретации этого же факта.

Инклюзивная логика в исламе и исламоведении

Примечательно то, что в религиозоведческой литературе об утверждении инклюзивного мышления впервые начали говорить именно представители исламоведения, в том числе и арабист, академик РАН, руководитель Института философии А.В. Смирнов в ряде своих публикаций [11].

Особенно убедительно формула инклюзивности прозвучала из его уст в выступлении на конференции в Махачкале в 2015 г.: «Условием истинности твоего вероисповедания является непременно признание любого другого вероисповедания. Твое вероисповедание не истинно, если ты не признаешь истинность любого другого вероисповедания... Заметим: не просто признаешь и допускаешь некое другое вероисповедание, но именно если ты не отрицаешь истинность любого другого вероисповедания» [12, с. 50].

Согласитесь, данная инклюзивная метрика оценки религиозных верований диктует совершенно новую стратегию в определении межрелигиозного и внутрирелигиозного взаимодействия. Единственное возражение в данном высказывании может вызвать слово «любое», поскольку были и есть религиозные секты и общины, опасные для физического,

социального здоровья и самочувствия людей, не укладывающиеся в современное правовое и нравственное поле, имеющие деструктивные и экстремистские составляющие. Достаточно вспомнить «Белое братство», «Аум синрикё», некоторые направления баптизма, «Свидетели Иеговы», «Церковь объединения», Церковь сайентологии» и других.

Читатель может спросить: позвольте, что нового вносит концепция инклюзивности по сравнению с понятиями толерантности и веротерпимости, которые давно и неплохо разработаны в культурологии, политологии и религиоведении? Действительно, неразрывная связь между инклюзивностью, веротерпимостью и толерантностью очевидна, поскольку они одинаково раскрывают демократические, гуманистические и уважительные механизмы меж- и внутриконфессионального взаимодействия. Но существенные различия между веротерпимостью, толерантностью и инклюзивностью все-таки имеются.

Во-первых, веротерпимость и толерантность выражают преимущественно практику взаимоотношений между конфессиями, а инклюзивность больше ориентирована на рациональный дискурс, на религиозный «логос» и, как правило, касается теории и практики межтеологического взаимодействия.

Во-вторых, толерантными и терпимыми могут быть отношения между конфессиями и без признания их взаимной истинности. А инклюзивность же выражается во взаимном признании истинными различных верований. А это совершенно иная, если хотите – более «высокая» логика взаимодействия между конфессиями. Согласно А.В. Смирнову, впервые такая инклюзивная модель взаимодействия конфессий была выработана великим суфийским мыслителем Ибн Араби, который говорил: «Ты не можешь быть настоящим мусульманином, если отрицаешь истинность других вероучений». И это не просто декларация, не просто императив. Этот по своей форме этический тезис является на деле прямым продолжением фундаментального онтологического учения, связанный с пониманием соотношения между Богом и миром, с проблемами познания и с вопросом об определении истинного действителя [12, с. 50–51].

Поучительным подтверждением действенности данной инклюзивной формулы в исламе является известный хадис «Расхождения в моей общине – милость», в названии которого уже заключено позитивное значение плюрализма и множественного подхода в смыслоопределении различных коранических и иных тезисов [1, с. 92].

Не вдаваясь в дискуссию о степени достоверности данного хадиса, отметим, что все подходы сходятся на признании возможности разночтений и смысловых значений, не отрицающих суть исламского единобожия. Действительно, у пророка Мухаммада нигде мы не найдем даже намека на то, что кто-то из мусульманской уммы является исключительным носителем истины. Исходя из этого, мы и утверждаем, что экстремизм среди мусульман появляется там и тогда, где и когда вдруг обнаруживается «правильный, единственный, истинный» путь к спасению. Поэтому даже постановка под таким углом зрения любого догматического вопроса противоречит духу и этике ислама.

Убедительным доказательством такого инклюзивного плюрализма являются культ и символика иджтихада в исламе, доказывающие, что многоаспектность и «полиистинность» имманентно встроены в его канонический каркас. Согласно исламской юриспруденции, «заккрытие дверей иджтихада» означает завершение так называемого «большого иджтихада», связанного с образованием новых масхабов. «Малый иджтихад» в пределах существующих исламских правовых школ непрерывно продолжается, совершенствуя законотворческий процесс. Сказанное в отношении правовых школ можно и нужно применять ко всему исламскому мировоззрению. Как нецерковная организация ислам вообще не имеет института посредничества между Богом и человеком, следовательно, не должен содержать механизма навязывания одного унифицированного мнения. И говорить в иной тональности, навязывая какую-то модель, и «как бы» от имени истинного или правильного ислама – это путь тупиковый, ведущий к экстремистским отклонениям в исламе.

К сожалению, не всегда конфессии и их представители следуют канонам инклюзивности и продолжают оценивать всё мерками вертикального измерения «больше – меньше», «ниже – выше», считая свою религию наиболее адекватной и «единственно правильной». Самое поразительное состоит в том, что подобные суждения приводят авторитетные авторы даже в серьезных теоретических журналах. Например, кардинал Йозеф Ратцингер на страницах научного журнала «Вопросы философии» заявляет, что наиболее универсальной и рациональной религиозной культурой показала себя христианская вера, которая и сегодня предлагает разуму тот основной состав нравственного понимания, который либо приводит к известной очевидности, либо по крайней мере обосновывает разумную нравственную веру, без которой не может существовать общество [9, с. 5–14]. Подобные проявления конфессионального эгоизма и снобизма, столь распространенные в прошлом, недопустимы в век инклюзивного мультикультурализма.

Похожие суждения, где осуществляется некорректное сравнение различных конфессий, их канонов и обрядов по «вертикали», а не по «горизонтали», встречаются на каждом шагу. Ко многим суждениям мы иногда настолько привыкаем, что даже не задумываемся, насколько они согласуются с метрикой инклюзивной логики мышления и общечеловеческих ценностей. В исламе действительно есть моменты достаточно понятные и близкие, но, тем не менее, не совсем укладывающиеся в прокрустово ложе этой логики, например, установка, что Мухаммад, безусловно, является бо́льшим пророком, нежели Иисус, ибо он – «печать пророков» [5, 33:40].

Сказанное означает, что он завершает собой длинную череду посланников и после него никаких посланников с Писанием быть не должно. Поскольку все послания были написаны одной божественной «рукой», то все предшествующие послания окрашены метрикой прошедшего времени и как бы обречены на ту или иную степень утраты своей универсальности. Так Богом было задумано, значит, так надо было, и так должно свершиться. Поэтому Священный Коран – единственное ниспослание, не тронутое ни временем, ни человеком. Оно живет в умах и сердцах людей, независимо от вероисповедания, призывая всех к единению. Всевышний «учредил для вас в религии закон, который был завещан Нуху... Ибрахиму, а следом Мусе и позднее Исе: в религии блюдите стойкость и в ней единство сохраняйте!» [5, 42:13].

С одной стороны, авторитет других Писаний вроде бы признается. Согласно исламу, Писание в разное время было ниспослано через избранных пророков: Моисею – в виде Торы; Давиду – в виде псалмов; Иисусу – в виде Евангелия; наконец, Мухаммаду – в виде арабоязычного Корана. Все эти Писания были «ниспосланы свыше», «продиктованы» Богом пророкам, и в обязанность пророков входила передача их содержания людям дословно, без ошибок и исправлений. Но при этом многократно заявляется, что существует лишь одно нетленное Священное Писание – Коран, мать всех писаний. Поэтому Библия, Ветхий и Новый заветы могут восприниматься как Слово Божие, если только они во всем соответствуют Корану. Следовательно, тот, кто обладает Кораном, не нуждается в чтении других писаний. Тем более все они не соответствуют первоначальному тексту, подвергались ревизии и изменениям, поскольку часто бывали поняты ошибочно. Это объясняет достаточно пассивный интерес мусульман к другим писаниям. Он может расцениваться как наличие сомнений во всеистинности Корана. Пожалуй, в этом вопросе единственное исключение делается для Авраама, который не был вообще пророком для кого-то, поскольку «не был ни иудеем, ни христианином». Мухаммад видит в себе единственного верного последователя Авраама как родоначальника религиозного монотеизма [5, 2:135, 140].

Еще одним доказательством особенной роли Мухаммада как пророка всех пророков, считается то, что он послан не в отдельный населенный пункт, не к определенному народу, как это было со всеми остальными посланниками, включая Иисуса, а ко всем людям на

Земле. Поэтому его шариат имеет универсальное измерение и он будет действовать до Судного Дня.

Эти и другие примеры проявления конфессионального эгоизма затрудняют межконфессиональный диалог на основе метрики инклюзивности. Когда читаешь суры Корана через «очки инклюзивизма», то возникает такое чувство, что метафора превосходства ислама перед другими конфессиями навязана нам извне; в самом Священном Писании нет такой прямой установки. Скорее наоборот, озвученный выше коранический призыв к религиозному и конфессиональному единству однозначно определяет всю стратегию межрелигиозного диалога.

Должен заметить, логика времени и фактор восхождения вообще не должны работать в оценке исторических персонажей и событий. Это становится очевидно, когда начинаешь приводить исторические и логические аналогии, в результате которых мы можем договориться до весьма странных умозаключений. В итоге получится, что наш президент самый важный и главный, поскольку он последний. Творения писателей и художников XX и XXI веков более значимы для истории и культуры, чем созданные в эпоху Средневековья или Возрождения, поскольку они более поздние. А современные философские системы самые влиятельные для человеческой духовности. Нам представляется, что во многих социально-гуманитарных и творческих процессах оценочная логика скорее даже обратная: чем древнее культурное творение, тем оно более ценно, хотя это вопрос достаточно спорный.

Логика и экстремизм в разных формах и проявлениях

Мы рассказали о соотношении классической, диалектической и инклюзивной логик и о некоторых когнитивных механизмах постижения мира лишь с одной целью – показать, что причины проявлений экстремизма в поведении и сознании людей часто заложены не только в экономической, политической, идеологической и психологической сферах общества и человека, но и в глубинах человеческого мышления. В этом плане принципы, законы классической логики переносятся на социально-гуманитарные сферы, на практику внутриконфессионального и межконфессионального взаимодействия. И это чревато проявлениями экстремизма и тоталитаризма, в чем бы они ни выражались. Как отмечает В.А. Бурковская, «идеология становится экстремизмом, если ее характеризуют следующие признаки: 1) «однозначное» объяснение проблем существующего мира и предложение таких же «простых и обязательно помогающих» способов их решения; 2) разделение бытия на «абсолютное добро» и «абсолютное зло», причем злом признается фактически все, что не вписывается в данную систему; 3) гиперболизация одной проблемы, придание ей доминирующего положения, не соответствующего принятой в обществе иерархии ценностей; 4) игнорирование, нивелирование других ценностей и норм» [2, с. 15].

Об оценочной и мыслительной дихотомичности как глубинной причине всех проявлений культурного, политического, религиозного и т. д. экстремизма пишет и М.Я. Яхьяев, предлагая среди прочих и такие особенные характеристики фанатической идеологии: «1) идея исключительной истинности именно данной идеологии, комплекс абсолютной истинности; 2) идея агрессивной нетерпимости по отношению ко всем идеологическим конкурентам или альтернативным идеологиям...» [14, с. 38].

Способствует ли подобное дихотомическое оценочное отношение к религиозным и политическим процессам становлению новой метрики межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений на началах инклюзивности и толерантности? Скажем прямо – нет. С сожалением приходится отмечать, что установка на принципиальную неинклюзивность любой религии до настоящего времени сохраняется в общественном сознании даже в религиоведении. Считается, что любая религия нетолерантна по самой своей природе. «Признавая истиной только веру в «своего Бога» и правильной только

систему своего культа, такая религия признает все остальные в лучшем случае ошибочными, а то и прямо враждебными, требующими борьбы с ними вплоть до уничтожения, как, например, принцип джихада» [3, с. 350].

Необходимо отметить, что в период формирования монотеизма это враждебное инокультурное неприятие еще более обострилось. В наставлениях бога Яхве об отношении к иноверам мы читаем: «Жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, вырубите священные рощи их...». «И не бери из дочерей их жен сынам своим, дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блуждение ...» [4, гл. 34, ст. 13; 15].

Подобная враждебная тональность сохраняется и в истории христианства. Например, Иисус провозглашает: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» [8, Ин. 8:44].

Таким образом, евангелическая установка также была дихотомической и бинарной: «Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого» [8, Мтф. 5:32]. И далее: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» [8, Мтф. 6:24]. Поэтому «кто не со Мною, тот против Меня: и кто не собирает со Мною, тот расточает» [8, Мтф. 12:30]. Не секрет и то, что в Коране наблюдается еще более резкая и однозначная интонация, вплоть до призывов к физическому уничтожению иноверцев и неверных [5, 2:191; 8:12, 17; 9:5, 14, 29, 41, 74 и др.]. Пророк в одном из хадисов говорит: «Разделится моя община на 73 течения и все они окажутся в огне, кроме одной!» (Ахмад 4/102, Абу-Дауд 2/503). В связи со сказанным возникает вопрос: если строго следовать инклюзивной матрице в межконфессиональном взаимодействии, то как быть с подобными местами из библейских и коранических текстов, где открыто и категорически провозглашается неприятие другой веры?

Во-первых, поскольку Священные тексты, все без исключения, не подлежат ревизии, то остается принять новые герменевтические правила, увидеть их интерпретации. Тут мы не видим никакого покушения на основы той или иной религии. Надо научиться в самих священных текстах и «между строк» находить новые смыслы и положения.

Во-вторых, в социальном познании обязателен конкретно-исторический подход, который требует приспособления любого суждения к уровню социально-экономического, интеллектуального, духовного и культурного развития. Как говорил В.И. Ленин: «Ложное в формально-логическом смысле может быть истиной в конкретно-историческом, и наоборот» [6, с. 119–120]. Поэтому любой социально-гуманитарный дискурс обязательно требует учета специфики конкретных условий и особенностей решаемых на данном историческом этапе задач. А абстрактный перенос характерных черт одного этапа в становлении данного культурного явления на метрику другого его этапа приводит к серьезным теоретическим, содержательным и даже политическим издержкам.

Да, действительно, в условиях родоплеменной организации, когда процессы формирования коллективной и индивидуальной идентичности только утверждались, противопоставление культов, верований, обрядов, обычаев было в порядке вещей. Отсюда известная тональность суждений, предполагающая строгое деление на «своих» и «чужих». Такое противопоставление наблюдается у всех. Поэтому становится понятной разумная установка среди религиоведов, по которой не следует во всех священных текстах искать экстремистское содержание и тем более переносить на современные реалии.

В-третьих, в последнее время мы много говорим о модернизме и постмодернизме в культуре и философии. Возникла своего рода мода на публикации на эту тему. Но как только начинают обсуждать религиоведческие и теологические проблемы, особенно исламоведческие, почему-то об этом забывают. Разве религия не часть современной культуры, разве она существует в духовном и культурном вакууме? Разве традиции не

подвержены изменениям, особенно смысловым? Наступило время говорить не только об исламском возрождении, но и об исламском модернизме и постмодернизме. Мы считаем, что переоценка исламского наследия через метрику инклюзивной культуры и есть начало работы в этом направлении.

В-четвертых, мы много раз спотыкались на догматизме в оценке собственного исторического опыта. Поэтому умение признавать свои исторические ошибки и заблуждения, готовность отказаться от иллюзий прошлых веков всегда были и являются выражением силы духа и конструктивной мощи любого этноса и конфессии. Главное в этом вопросе – соблюдение меры, поскольку в противном случае происходит разрушение собственной социальной, культурной, конфессиональной, этнической и личностной идентичности.

Мне представляется, что в формировании инклюзивной стратегии в межконфессиональном общении, о котором мы говорили выше, большую роль призван сыграть Межрелигиозный совет России – общественная организация, созданная еще в 1998 г., объединяющая авторитетных представителей всех традиционных религий страны – христианства, ислама, буддизма и иудаизма, которые должны стремиться к консенсусу по различным вопросам межкультурного и межконфессионального взаимодействия.

Заключение

Думается, как только мы примем в качестве руководящего концепта мышления и поведения инклюзивную логику и метрику оценки всего социального и духовного опыта и перейдем с вертикальной на горизонтальную шкалу его оценки, многие вопросы межкультурного и межконфессионального взаимодействия будут автоматически сняты. В условиях мультикультурализма именно она представляется более справедливой и демократичной, поскольку подчеркивает равноправие и равноценность всех составляющих этого опыта. Сказанное в данной статье вовсе не означает, что стоит в обществе утвердить инклюзивную метрику мышления и оценки действительности, и проблемы устранения всех проявлений экстремизма в поведении и сознании будут решены. Ведь экстремизм, как мы уже отмечали, имеет глубинные и экономические, и политические, и социальные, и идеологические, и психологические корни.

В силу особенности своего предмета и выполняемых социальных функций, в формировании такой инклюзивной культуры значимую роль играет современная философия. Не случайно на это был ориентирован в основном разговор на всех мировых и всероссийских философских конгрессах. Например, на VII Российском философском конгрессе в Уфе 6–10 октября 2015 г. эта инклюзивная устремленность отражалась даже в его названии: «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений». Как неоднократно отмечалось в выступлениях на этом конгрессе, с точки зрения политико-правовых и философских подходов толерантность означает уважение, принятие, понимание многообразия культур народов мира, форм самовыражения, способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знание, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений [13, с. 5–11]. Толерантность – это гармония в многообразии, что означает крах однополярной культуры и бинарного мышления, ее обслуживающего.

Литература

1. *Ан-Навави*. Сахих Муслим би-шарх ан-Навави. [Свод харисов имама с комментариям имама ан-Навави] – 2-е изд. – Бейрут, 1392-х. – Т. 11.
2. *Бурковская В.А.* Криминальный экстремизм в современной России. – М.: Институт правовых и сравнительных исследований, 2005.

3. *Иванеев С.В.* Воздействие нетолерантности в религиозных культах на идентификационные процессы // Материалы Всероссийской научной конференции «Философия и практика этнического многообразия и единства России». – Махачкала: ООО РА «Маг», 2017. – С. 347–351.
4. Исход. – СПб.: Вита нова, 2015. – 288 с.
5. Коран / пер. смыслов и коммент. В. Пороховой. – 3-е изд., доп. и перераб. – М., 1997.
6. *Ленин В.И.* Две утопии // Полн. собр. соч. – М., т. 22. – С. 119–120.
7. *Магомедов К.М.* Монотеизм vs политеизм? // *Исламоведение*. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 5–18.
8. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. – М.: Russian Bible, 2012.
9. *Ратцингер Йозеф (Бенедикт XVI, Папа Римский на отдыхе).* Значение религиозных и нравственных ценностей в плюралистическом обществе // *Вопросы философии*. – 2016. – № 4. – С. 5–14.
10. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления: монография / под общ. ред. проф. Яхьяева М.Я. – М.: Парнас, 2011. – 295 с.
11. *Смирнов А.В.* Бог-и-мир и Истина истин: логико-смысловой анализ оснований концепции Ибн Араби // *Ишрак: Ежегодник исламской философии*. № 3. – М.: Вост. лит., 2012. – С. 41–61.
12. *Смирнов А.В.* Классический ислам и современный Дагестан: как можно сегодня прочитывать исламское наследие // Проблемы российского самосознания: историческая память народа; материалы 12-й Всероссийской конференции. – Москва–Махачкала, апрель 2015 г. – М.–Махачкала: Дельта-Пресс, 2015. – С. 43–54.
13. *Чумаков А.Н., Королев А.Д.* Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений // *Вопросы философии*. – 2016. – № 7. – С. 5–11.
14. *Яхьяев М.Я.* Феномен религиозного фанатизма. – Махачкала, ИПЦ ДГУ, 2006. – 231 с.

Referefces

1. An-Navavi. Sahih Muslim bi-sharh an-Navavi – Izd. 2-e. – Bejrut, 1392 h. T. 11.
2. Burkovskaja V.A. Kriminal'nyj jekstremizm v sovremennoj Rossii [Criminal Extremism in Contemporary Russia]. – М.: Izdatel' Press, 2005.
3. Ivaneev S.V. Vozdejstvie netolerantnosti v religioznyh kul'tah na identifikacionnye process [The Impact of Zero Tolerance in Religious Cults on Identification Processes] // Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Filosofija i praktika jetnicheskogo mnogoobrazija i edinstva Rossii» [Proceedings of the All-Russia Academic Conference “Philosophy and Practice of Ethnic Variety and the Unity of Russia”]. – Mahachkala: ООО РА «Маг», 2017. – S. 347–351.
4. Ishod [The Exodus]. – SPb: Vita nova, 2015. – 288s.
5. Koran. Perevod smyslov i kommentarii Valerii Prohorovoj [The Qu’ran. The Interpretation of Meanings and Comments by Valeria Prokhorova]. Izd. 3-e, dop. i pererab., 1997.
6. Lenin V.I. Dve utopii [Two Utopias]. – PSS, t. 22. S. 119–120.
7. Magomedov K.M. Monoteizm vs politeizm? [Monotheism vs Polytheism?] // Islamovedenie [Islamic Studies]. 2017. T. 8. № 2. S. 5–18.
8. Novyj Zavet. Gospoda nashego Iisusa Khrista [The New Testament of Our Lord Jesus Christ]. – М.: Russian Bible, 2012.
9. Ratsinger Jozef (Benedikt H VI, Papa Rimskij na otdyhe). Znachenie religioznyh i нравstvennyh cennostej v pljuralisticheskom obshhestve [The Significace of Religious and Moral Values in Pluralist Society] // Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]. 2016. № 4. S. 5–14.
10. Religiozno-politicheskij jekstremizm: sushhnost', prichiny, formy projavlenija puti preodolenija. Nauchnaja monografija [Religious-Political Extremism: the Essence, Causes,

Manifestations and Ways to Overcome. Academic Monograph] / Pod obshej red. prof. Jah'jaeva M.Ja. – M.: Parnas, 2011. – 296 s.

11. Smirnov A.V. Bog-i-mir i Istina istin: logiko-smyslovoj analiz osnovanij koncepcii Ibn Arabi [God, the Universe and the Truth of Truths] // Ishrak: Ezhegodnik islamskoj filosofii [Ishrak: Almanac of Islamic Philosophy]. № 3. – M.: Vost. Lit., 2012. – S. 41–61.

12. Smirnov A.V. Klassicheskij islam i sovremennyj Dagestan: kak možno segodnja prochityvat' islamskoe nasledie [Classical Islam and Contemporary Dagestan: the Ways to Read Islamic Heritage Today] // Problemy rossijskogo samosoznaniya: istoricheskaja pamjat' naroda. Materialy 12-j Vserossijskoj konferencii [The Issues of Russian Identity: Collective Memory of People. Proceedings of the 12th All-Russia Conference]. Moskva–Mahachkala, aprel' 2015 g. – M.–Mahachkala: Del'ta-Press, 2015. – S. 43–54.

13. Chumakov A.N., Korolev A.D. «Filosofija. Tolerantnost'. Globalizacija. Vostok i Zapad – dialog mirovozzrenij» [Philosophy. Tolerance. Globalization. The East and the West – the Dialogue of Worldviews] // Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]. 2016. № 7. – S. 5–11].

14. Yakhyaev M.J. The Phenomenon of Religious Fanaticism. – Makhachkala, CPI DSU, 2006. – 231 p.